

УДК 94(47)
ББК 63.3(2)6-283.31

**Деятельность советских спецслужб в отношении
представителей сибирского казачества в Омском
Прииртышье (1919–1941 гг.)**

В.П. Василевский¹

¹ Омский государственный технический университет (Омск, Россия)

**The Activities of the Soviet Security Service against Former
Representatives of Siberian Cossack Army in the Omsk
Region (1919–1941)**

V.P. Vasilevsky¹

¹ Omsk State Technical University (Omsk, Russia)

Статья посвящена исследованию форм и методов деятельности советских органов государственной безопасности в отношении бывших представителей Сибирского казачьего войска на территории Омского Прииртышья. Раскрывается значение Омска как центра репрессивной политики Советского государства в отношении сибирских казаков. Основными видами деятельности органов государственной безопасности в отношении казачества были: наблюдение за его представителями, информирование партийных органов о ситуации в казачьей среде и репрессивная политика против представителей казачества, нацеленная на ликвидацию казачьего сословия. Описаны факторы, обусловившие репрессии в отношении сибирских казаков. Репрессии были вызваны историей Сибирского казачьего войска, ставшего в годы Гражданской войны активной силой антибольшевистского движения на Востоке России, международной и внутривнутриполитической обстановкой, а также профессиональным мышлением сотрудников советских органов безопасности, по долгу службы видевших в казачестве оппозиционную режиму силу. По отношению к сибирскому казачеству органы государственной безопасности проводили репрессивную политику, соответствовавшую интересам обеспечения безопасности Советского государства.

Ключевые слова: органы государственной безопасности, Омск, Сибирское казачье войско, казачество, наблюдение, информирование, репрессии.

DOI 10.14258/izvasu(2014)4.1-06

Город Омск являлся столицей Сибирского казачьего войска (СКВ), представлявшего собой военно-служилое, сословно-территориальное образование, официально существовавшее с 1808 по 1919 г. [1, с. 88]. В годы Гражданской войны СКВ составляло удар-

The article deals with the activities of Soviet security agencies against former representatives of Siberian Cossack Army on the territory of the Omsk region. This article shows Omsk as the center of the Soviet state repressive politics concerning Siberian Cossack Army. The main activities included shadowing of its representatives, reporting to the party bodies about the situation in the Cossack community and repressive politics against Cossacks representatives aimed at eliminating the Cossacks as social category. We mention factors that caused repressions against Siberian Cossack Army. The repressions were caused by international and domestic political situation, by professional mentality of Soviet security service officers that regarded Cossacks as opposition and by the history of Siberian Cossack Army that became an active force of anti-Bolsheviks movement in Eastern Russia during the Civil war. In regard to Siberian Cossack Army the state security bodies pursued repressive policy in accordance with the Soviet State security interests.

Key words: State security bodies, Omsk, Siberian Cossack Army, Cossacks, shadowing, reporting to, repressions.

ную военную силу антибольшевистского движения на востоке России. По оценке эмигрантского историка Н.Н. Головина, «в Сибирском противобольшевистском движении казачество сыграло большую, положительную роль. по сравнению с прочей народной массой

оно даст наиболее действенные и устойчивые элементы для этого движения» [2, с. 410]. Несмотря на официальную ликвидацию СКВ Сибревкомом в декабре 1919 г., выходцы из казачьего сословия продолжали называться в официальных документах «казаками» до 40-х гг.

По мнению современного исследователя истории сибирского казачества В.А. Шулдякова, датировавшего уничтожение СКВ 1920–1922 гг., когда войско и войсковое сословие фактически перестали существовать: «Сибирское войско было завоевано. Казаков подчинили грубой силой. Все несогласные и сопротивлявшиеся – как белоказаки, так и «трудовые казаки» – были либо уничтожены физически, либо изгнаны из пределов России» [3, с. 19]. Историк также обращает внимание на «тотальные антиказачьи репрессии при подавлении массовых народных восстаний в первой половине 1921 г.» [4, с. 9].

Репрессиям в отношении сибирского казачества в Омске в 30-е гг. посвящены работы П.А. Брычкова и В.М. Самосудова. П.А. Брычков изучил материалы следственного дела казачьей контрреволюционной организации, возглавляемой В.Е. Шайтановым, которую омские чекисты ликвидировали в 1933 г. Организация была связана со знаменитым «делом генерала Болдырева», разрабатывавшемся органами ОГПУ в краевом масштабе. Исследователь пришел к обоснованному заключению: «Создается впечатление, что подчищали остатки бывших белых офицеров на фоне реального ухудшения отношений с милитаристской Японией» [5, с. 48]. При анализе материалов «дела генерала Артамонова», обвинявшегося в создании контрреволюционной организации, В.М. Самосудов установил, что «главные силы организации находились на периферии. Основная опора в городе была на боевое колчаковское офицерство, а в деревне – на казачество» [6, с. 7]. Как следует из анализа материалов дела, сделанного историком, важнейшей целью фабрикации был террор против сибирских казаков.

Таким образом, в историографии признается значимая роль представителей СКВ в противобольшевистском движении на востоке России. Историками изучены отдельные сюжеты, посвященные ликвидации СКВ и репрессиям в отношении его представителей в начале 20-х и на протяжении 30-х гг. В то же время существующие исследования носят фрагментарный характер. Практически не изучены формы деятельности органов ГПУ-ОГПУ в отношении казачества в середине 1920-х гг. Цель данной работы – проанализировать деятельность советских органов государственной безопасности Омского Прииртышья в отношении казачества с 1919 по 1941 г.

У советских органов государственной безопасности были все основания для борьбы с сибирским казачеством. Уже летом 1920 г. сотрудниками Омской губЧК была вскрыта офицерская подполь-

ная организация общей численностью 580 человек, которую возглавляли бывшие белые офицеры Драчук и Шелюттэ. Организация располагала несколькими отрядами в Омском уезде, значимую роль в них играли казаки [7, с. 159]. Как правило, в антисоветских организациях, выявленных омскими чекистами в 1920–1921 гг., активными участниками являлись представители СКВ.

Одной из движущих социальных сил антикоммунистического Западно-сибирского восстания являлось казачество. Его представители формировали наиболее боеспособные части повстанцев на Петропавловском направлении, руководство борьбой с которыми велось непосредственно из Омска. С начала восстания осведомление информировало омских чекистов о значимой роли казачества в лагере повстанцев. 13 февраля 1921 г. чекистский информатор Монахов в своем донесении со станции Исилькуль сообщал: «Наступают казаки и крестьяне, а также начинают выступать местные казаки. Выступление казаков начинается с местных окрестностей по направлению Гонькино, Лебяшинский, Большое Камышино... Пленные повстанцы не говорят, кто и где руководит движением, но видно из всего, что командуют казацкие офицеры» [8, с. 171]. На основе информации с Петропавловского направления об активном участии казачества в восстании председатель Сибревкома И.Н. Смирнов в телеграмме В.И. Ленину от 26 февраля 1921 г. характеризовал восстание как «казацко-кулацкое» [8, с. 294].

После ликвидации Западносибирского восстания в станицах бывшего СКВ по-прежнему преобладали антикоммунистические настроения. Летом 1921 г. у омских чекистов была информация о подготовке нового антисоветского выступления. В этих условиях Омсгубчека докладывало о появлении печатных антисоветских воззваний к казакам в районе Ольгинской волости Омского уезда. В них содержались призывы к антикоммунистической борьбе: «Господа казаки, пора проснуться и свергнуть иго, благодаря которому не осталось в амбарах ни зерна и на полях ни снопа. Выступайте, не бойтесь, у нас организация большая» [9, с. 82]. Из отчетов органов ГПУ Омской губернии за 1922 г. следует, что на общем фоне антисоветского настроения в деревне казачество продолжало выделяться своим радикализмом, «в Черлакской, Ачаирской, Покровской, Покровско-Иртышской, Татарской волостях настроение казацкой части населения обостренное. Всевозможные недовольства на Советскую власть, ее действия и распоряжения... Также есть слухи, что вверх по Иртышу [двигаются] подпольные организации для свержения советской власти, что имеется оружие, винтовки и пулеметы. Все это зарыто в земле» [9, с. 210].

До 1925 г. Сибирь управлялась по законам военного времени чрезвычайным органом – Сибревкомом. Это крайне важно учитывать для понимания опера-

тивной обстановки в Омском Прииртышье. Органы ГПУ Омского Прииртышья реагировали на любые попытки консолидации казачьего населения, информируя о них партийные органы. Так, в июньской сводке Омгуботдел ОГПУ за 1922 г. чекистами акцентировалось внимание партийного руководства на то, что в поселке Усть-Заостровском сельсоветом «проводится политика, к выдворению из поселка лиц не казачьего происхождения» [9, с. 231].

В 1925 г. органы ОГПУ фиксировали в бывших казачьих станицах массовое распространение антисоветских слухов, падавших на благодатную почву. «Слухи о падении существующего строя исключительно муссируются среди казачьего населения Ново-Омского уезда. Казачество использует каждый политический момент, неблагоприятно складывающийся для советской власти, и делает выводы о «неизменном» падении власти и о том, как они несравненно лучше заживут, чем теперь. Некоторые договариваются, что опять будет царь-батюшка. по одному только Ачаирскому району в июле 1925 г. органами ОГПУ было выявлено 7 фактов, отмечающих слухи о падении власти» [9, с. 499]. В то время распространение антисоветских слухов рассматривалось как антисоветская деятельность, это преступление выявлялось и сурово каралось органами безопасности советского государства.

После отмены чрезвычайного управления Сибирью бывшие казачьи станицы Ачаирского и других районов Омского Прииртышья продолжали находиться под особым вниманием органов ОГПУ, информировавших власть о любых оппозиционных проявлениях в них. Так, в ноябре 1927 г. Омкромдел ОГПУ сообщал в окружном о том, что «казачество поселка Ильинка Ачаирского района, выражая крайнее недовольство на обложение сельхозналогом в тяжелой форме, несмотря на большой недород хлебов, решило избрать ходока в Москву, который хлопотал бы перед центральной властью о снижении налога, для чего выдвинули своего односельчанина, зажиточного Абакумова Егора, коему собрали на дорогу 70 руб.» [10, л. 282].

К борьбе с казачеством советское государство подталкивала и международная обстановка. 1 апреля 1921 г. в Пекине с участием японцев состоялось совещание глав белогвардейского движения на Дальнем Востоке: барона Унгерна, Бакича, Анненкова, Савельева, Кайгородова и других, на котором при помощи японского Генерального штаба был разработан план военного нападения на Дальневосточную и Советскую республики [11, с. 60]. Одной из крупных сил белой эмиграции в Китае были казаки СКВ. У них оставались связи на территории Омского Прииртышья. Это создавало угрозу для безопасности советского государства. Массовая реэмиграция казаков в 20-е гг. не могла остаться без внимания сотрудников органов государственной безопасности. Каждый из реэмигрантов брался на оперативный учет.

Не вызывает сомнений, что какая-то часть реэмигрантов имела антисоветские задачи от эмигрантских центров, некоторые могли быть завербованы японской разведкой, активно работавшей в Китае против Советской России.

На протяжении своего существования казачья диаспора в Китае последовательно вела антисоветскую борьбу. Сибирские чекисты внимательно наблюдали за организацией казачьего союза в Шанхае. «Казачий Союз в Шанхае» был утвержден 29 ноября 1925 г. в 1929 г. в нем состояло 10 казачьих станиц – Амурская, Донская, Енисейская, Забайкальская, Иркутская, Кубанская, Семиреченская, Сибирская, Уссурийская и Уральская. Эта организация была образована для того, чтобы сплотить казачество, жившее в тяжелых материальных условиях, воспрепятствовать политике развала казачьей диаспоры, проводимой советскими спецслужбами, и для борьбы с властью коммунистов в России. Органам ОГПУ было хорошо известно содержание программы союза. «Возвращение на родину и осуществление чаяний казачества возможны только тогда, когда в России не будет власти представителей III Интернационала, а потому борьба с ним и его представителями есть вопрос жизни или смерти казачества и является борьбой за само существование казачества» [12, л. 17]. В таком виде антисоветская направленность программы казачьего союза в Шанхае доводилась до сведения рядовых оперработников Омского Прииртышья. Это поддерживало у них негативное отношение к казакам, желание беспощадно бороться с казачеством.

Все крупные дела в отношении бывших белогвардейцев, которые вели сотрудники ОГПУ-НКВД Омского Прииртышья, в обязательном порядке имели значительную казачью составляющую. С начала 1930-х гг. наиболее известные дела в отношении омских белогвардейцев связывались со знаменитым делом генерала В.Г. Болдырева, имевшего краевой характер. Дело стало широко известно как «белогвардейский заговор», одно из наиболее крупных по числу репрессированных, сфабрикованный сотрудниками ПП ОГПУ по Западной Сибири в 1920–30-е гг. дел [13, с. 184].

Если обратиться к биографии главного фигуранта этого дела В.Г. Болдырева, то прослеживаются его тесные связи в Японии. Профессиональной обязанностью чекистов было предположить то, что в качестве версии выдвигает современный исследователь И.Г. Иванов, который не верит в «перевоспитание генерала». «Если сопоставить все то, о чем писал и говорил генерал Болдырев о большевиках, его борьбу с ними, призыв о помощи в этой борьбе ко всем странам, то невозможно поверить в его «перековку». Желание его остаться в России могло быть вызвано только продолжением борьбы с большевизмом». И далее: «...по всей вероятности, генерал рассчитывал на взрыв возмущения внутри России. Он, опытный

военный, мог бы возглавить широкий антикоммунистический фронт. Может быть, он рассчитывал на так называемый «НЭП» или крестьянские восстания против «сплошной коллективизации»? у него была организация? Можно предположить, что «соответствующие органы» раскрыли его деятельность», – небезосновательно утверждает исследователь [14].

В материалах по реабилитации осужденных по делу организации В.Е. Шайтанова содержатся показания А.С. Остапенко, которые позволяют понять образ мышления чекистов в отношении сибирских казаков. В 1956 г. А.С. Остапенко показал: «В период следствия в камеру, где я находился, пришел заместитель полномочного представителя ОГПУ по ЗапСибкраю, фамилию его не помню. В беседе с нами он заявил: «Допустим, контрреволюционная организация в городе Омске не существует, но если бы она была, то все арестованные были бы ее участниками». Это свое заявление он обосновал тем, что по делу в основном арестованы бывшие белые и царские офицеры и казачество прилегающих станиц» [5, с. 39]. Учитывая богатое антибольшевистское прошлое представителей СКВ и оперативную информацию о настроениях в бывших казачьих станицах, чекисты рассматривали казаков как врагов, которые ненавидят коммунистический режим и при первой возможности готовы включиться в борьбу с ним.

В 1937 г. в Омске было сфабриковано крупное дело о белогвардейско-повстанческой организации («дело генерала Артамонова»), важнейшей частью которой якобы являлись казачьи формирования. Омский историк В.М. Самосудов указывает, что «дело об омском казачьем центре, повстанческой организации, окажется фальшивкой. Это была расправа с невинными людьми за их принадлежность к казачеству» [15, с. 34]. Все осужденные по данному делу реабилитированы. Это дело было последним крупным делом в отношении казачества в Омском Прииртышье.

В 1940 г. сибирскими чекистами с информационной целью и для постановки задач для дальнейшей работы своих сотрудников была составлена специальная справка, посвященная деятельности органов государственной безопасности в отношении СКВ. В документе ставилась задача по оперативной разработке бывших казаков: «Большое количество раз-

ного контрреволюционного элемента сбежало из казачьих станиц в города, районные центры, многие из них устроились на работу в совхозах, пристанционных пунктах, скрыли свое историческое контрреволюционное прошлое, замаскировались под видом служащих, чернорабочих и других, отсюда продолжали вести контрреволюционную работу по сколачиванию антисоветских формирований в гор. Омске и по районам. Материалы по этим ликвидированным организациям показали, основной питательной и организующей казачье сословие силой является зарубежная белоказачья эмиграция. Отсюда важнейшее значение во всей агентурной работе по этим объектам имеет разработка закордонных связей казачества» [12, л. 20].

Таким образом, основными видами деятельности органов государственной безопасности в отношении казачества были наблюдение за его представителями, информирование партийных органов о ситуации в казачьей среде и репрессивная политика против представителей казачества, нацеленная на ликвидацию казачьего сословия.

Не оправдывая с нравственной стороны массовых политических репрессий в отношении казаков, выделим факторы, делавшие террор в их отношении со стороны органов государственной безопасности профессионально обусловленным, закономерным явлением для той эпохи. Сотрудники органов безопасности Советского государства в своей деятельности учитывали активную роль сибирского казачества в Белом движении. Они полагали, что в случае любого крупного антикоммунистического выступления или войны с иностранным государством многие бывшие казаки встанут на сторону противников Советского государства. Помимо опыта Гражданской войны, такое представление основывалось на существовании организованной антисоветской казачьей диаспоры в Китае, некоторые ее представители, по данным чекистов, сотрудничали с японской разведкой. Это усугублялось тем, что на территории Омского Прииртышья проживали бывшие белоказаки, реэмигранты из Китая, имевшие потенциально опасные для Советского государства зарубежные связи. В тех условиях, по отношению к сибирскому казачеству, органы государственной безопасности проводили репрессивную политику в интересах обеспечения безопасности Советского государства.

Библиографический список

1. Андреев С.М., Шулдяков В.А. Сибирское казачье войско // Историческая энциклопедия Сибири : в 3 т. / Институт истории СО РАН. – Новосибирск, 2009. – Т. 3.
2. Головин Н.Н. Российская контрреволюция в 1917–1918 гг. Т. 1. – М., 2011.
3. Шулдяков В.А. Гибель Сибирского казачьего войска. 1920–1922. – М., 2004. – Кн. 1.
4. Шулдяков В.А. Репрессии периода Гражданской войны в отношении казачества: к вопросу о понятии «Большой террор» // Забвению не подлежит : материалы II ре-

гиональной научно-практической конференции, посвященной памяти жертв политических репрессий (70-летию Большого террора). – Омск, 2007.

5. Брычков П.А. Заговор, которого не было // Забвению не подлежит. Книга памяти жертв политических репрессий в Омской области. – Омск, 2001. – Т. 3.

6. Самосудов В.М. Исторические этюды о репрессиях в Омском Прииртышье. – Омск, 1998.

7. Уйманов В.Н. Ликвидация и реабилитация // Политические репрессии в Западной Сибири в системе большевистской власти (конец 1919–1941 г.). – Томск, 2012.

8. Сибирская Вандея. 1919–1920 документы : в 2 т. / под ред. А.Н. Яковлева ; сост. В.И. Шишкин. – М., 2001. – Т. 2.

9. Строго секретно. Омское Прииртышье в политических информационных сводках 1920–1930 гг. – Омск, 2011.

10. Исторический архив Омской области (ИАОО). – Ф. П-7. – Оп. 3. – Д. 54.

11. Плеханов А.М. ВЧК-ОГПУ. Отечественные органы государственной безопасности в период новой экономической политики. 1921–1928. – М., 2006.

12. Архив Управления ФСБ России по Омской области. – Ф. 87. – Оп. 3. – Д. 292.

13. Красильников С.А. Белогвардейский заговор // Историческая энциклопедия Сибири : в 3 т. / Институт истории СО РАН. – Новосибирск, 2009. – Т. 1.

14. Иванов И.Г. Тайна генерала Болдырева [Электронный ресурс]. URL <http://cultoboz.ru/np/np24ivan.html> (дата обращения 26.01.2014)

15. Самосудов В.М. И казаков расстреливали // Забвению не подлежит. Книга памяти жертв политических репрессий в Омской области. – Т. 7. – Омск, 2003.